

Варлам ШАЛАМОВ

Варлам
ШАЛАМОВ

собрание
сочинений
в *шести*
томах

5

БИБЛИОТЕКА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КЛАССИКИ

В а р л а м Ш А Л А М О В

собрание сочинений в *шести* томах

1965 год

БИБЛИОТЕКА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КЛАССИКИ

В а р л а м Ш А Л А М О В

собрание сочинений

том пятый

ЭССЕ И ЗАМЕТКИ

ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ
1954—1979

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК»

ТЕРРА **ТЕРРА**
ИЗДАТЕЛЬСТВО | PUBLISHING HOUSE

КНИГОВЕЖ™
КНИЖНЫЙ КЛУБ | BOOK CLUB

УДК 821.161.1
ББК 84 (2 Рос=Рус)6
Ш 18

Оформление художника
С. Любаева

Составитель
И. Сиротинская

*Воспоминания В. Т. Шаламова и его Записные книжки
подготовлены составителем при поддержке
гранта Президента Российской Федерации
№ 5.96-рп от 13 декабря 2003 г.*

Шаламов В. Т.

Ш18 Собрание сочинений: В 6 т. + т. 7, доп. Т. 5: Эссе и заметки; Записные книжки 1954–1979 / Сост., подгот. текста, прим. И. Сиротинской. — М.: Книжный Клуб Книговек, 2013. — 384 с.

ISBN 978-5-4224-0702-6 (т. 5)
ISBN 978-5-4224-0697-5

В пятый том собрания сочинений Варлама Тихоновича Шаламова (1907–1982) вошли эссе и заметки писателя, озаглавленные им «Всё или ничего», открывающие читателю новые грани литературного дарования автора, а также Записные книжки писателя — его исповедально-дневниковые пометки и своеобразная творческая лаборатория писателя.

УДК 821.161.1
ББК 84 (2 Рос=Рус)6

ISBN 978-5-4224-0702-6 (т. 5)
ISBN 978-5-4224-0697-5

© В. Шаламов, наследники, 2013
© И. Сиротинская, наследники, 2013
© Книжный Клуб Книговек, 2013

ПОДТЕКСТ СТИХОТВОРЕНИЯ

Нет настоящих стихов без подтекста. Этот подтекст бывает многоплановым, сложным. Прямая аллегоричность есть только наиболее простая форма подтекста. В сложном, многоплановом подтексте (он есть у Блока, у Пастернака), где даже эмоциональная строка участвует в создании многоплановости стихотворения.

Деталь выглядит символом, знаком — как у Анненского, у Блока, у Пастернака, у Цветаевой.

Сложное, большой емкости стихотворение — высшая форма русского стиха.

<1960-е гг.>

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ГРАНИЦЫ ПОЭЗИИ И СВОБОДНЫЙ СТИХ

Поэзия имеет национальные границы во много раз более глухие, чем проза. И в этом не беда, а счастье поэзии.

Фактически поэт непереволим, отгорожен от другого народа частоколом традиций, принципов не только литературных, но и бытовых. Ведь поэзия — вся в недоговоренности, в полунамеке, где вся тонкость ощущается только родным по языку человеком.

Разве знаменитые аллитерации «Медного Всадника» переводимы на другой язык?

Люблю тебя, Петра творенье!
Люблю твой строгий, стройный вид,
Невы державное течение,
Береговой ее гранит.

Никакой перевод никогда не передаст даже намека на этот «береговой гранит», «строгий, стройный вид», а ведь лишенный этого стих обессилен. Это — русское стихотворение.

Конечно можно перевести, как переводили раньше — прозой, оставляя «домыслы» читателям. Так переводили раньше, так советует сейчас переводить стихи Арагон. Может быть он и прав, подчеркивая бессилие любых переводов и любых переводчиков.

Разумеется «Горные вершины» Гёте Лермонтов не переведил, а написал русское стихотворение «по мотивам Гёте».

Иннокентий Анненский пробовал перевести это стихотворение Гёте.

Над высью горной
Тишь.
В листве, уж черной
Ни ощутишь
Ни дуновенья...

Поэт не испытывает нужды в признании иностранцами, ибо понимает насколько газетно, конъюнктурно, условно такое признание и понимание.

Вот эта непереводаемость стихов, отключение поэтов от международной жизни и было, мне кажется, одной из причин успеха так называемого свободного стиха.

Свободный стих и так называемые белые стихи — все, что к ним относится, все это — поэзия второго сорта. Выражаясь по-спортивному, «верлибр» — это стихи второго эшелона, второго класса.

Решение вопроса должно быть в рамках национальной традиции и не должно быть каким-то откликом или перекличкой с модой Запада.

Для западного читателя, кто выступает против Советской власти хоть немножко, тот и хорош, и литературной политикой может управлять любой разведчик. Газетная популярность и сенсация — всегда очень определенные. О любой проститутке в западных газетах пишут больше, чем о поэтах русских (не говоря о своих собственных).

Виктор Шкловский в своих мемуарах «Жили-были» подал голос за «свободный стих», не утруждая себя аргументацией. Зато бывший теоретик конструктивизма Квятковский выступил в «Вопросах литературы» со статьей о свободном стихе, доказывая его правомерность, возможности развития и т. д.

Конечно, каждый русский поэт пробовал себя в свободном стихе. Свободный стих никогда не был под запретом и нельзя говорить так, что вот сталинские времена прошли, и свободный стих выходит из подполья.

Творческого удовлетворения большие поэты в свободном стихе не получали — вот секрет его малой популярности. Квятковский в своей статье не совсем добросовестно обошелся с Блоком, у которого свободные стихи составляют, вероятно, одну тысячную часть всех стихов...

Квятковский⁵⁶ процитировал («Вопросы литературы» № 12, 1963 г., стр. 60, статья «Русский свободный стих»)

К вечеру вышло тихое солнце,
И ветер понес дымки из труб.
Хорошо прислониться к дверному косяку
После ночной попойки моей.
Многое миновалось
И многое будет еще.
Но никогда не перестанет радоваться сердце
Тихой радостью
О том, что вы придете,
Сядете на этом старом диване
И скажете простые слова.
При тихом вечернем солнце
После моей ночной попойки
Я люблю ваше тонкое имя,
Ваши руки и плечи
И черный платок.

Эти стихи Блока — образец тончайшей лирической поэзии.

Мне кажется, что образцов, превосходящих это стихотворение, у Блока много — их 687 (!). По сравнению с остальными 687 стихотворениями это кажется лишь черновой записью, наброском, который превращен автором с помощью рифмы в гораздо более тонкое стихотворение. Оно всем известно.

Я люблю твое льстивое имя,
Черный бархат и губы в огне.
Но стоит за плечами твоими
Иногда неизвестное мне.

И ложится упрямая гневность
У меня меж бровей на челе
Она жжет меня, черная ревность
По твоей незнакомой земле.

И готовясь на новые муки,
Вспоминаю те вьюги, снега,
Твои тихие, слабые руки,
Бормотаний твоих жемчуга.

Это уж, что называется, «посвыше» опуса с вечерней попойкой.

<1960-е гг.>